

КУЛЬТУРА

ВАДИМ МУЛЕРМАН:

Труд. - 1996. - 22 окт. - с. 5

В АМЕРИКЕ Я ТОЛЬКО ГОСТЬ

О кумире эстрады прошлых лет В. Мулермане, в 70-е годы ходили самые невероятные слухи. Ходят они и сейчас, но вот самые свежие новости. Гражданин России Вадим Мулерман организовал в американском штате Флорида музыкальный театр для детей. А недавно приезжал в свой родной Харьков, где получил медаль и Диплом Международного клуба земляков на праздновании Дня города. Там с ним и встретился корреспондент «Труда».

— Легко ли в Америке открыть свой театр, пусть и детский?

— Два года власти штата Флорида думали, прежде чем выдать мне грант на эту затею. Но в результате все получается. Дети от 4 до 18 лет будут учиться сценическому и изобразительному искусству, танцу, пению и игре на музыкальных инструментах. Мы привлекли к этой работе бывшего солиста Большого театра и ансамбля И. Моисеева Сергея Семенова, пианистку Марину Еремееву, художника и графика из университета Майами Поля Миллинера. Я тоже буду преподавать в подготовительной группе, хотя путь из Нью-Йорка в этот жаркий край — не близкий. Мы только сейчас начали занятия, и набор идет хорошо. Ведь цена обучения не так высока для Америки — около 1000 долларов в год. Такое может себе позволить семья среднего достатка, которая считает своего ребенка способным выступать на музыкальной сцене.

— А у вас-то откуда желание работать с детьми, ставить с ними мюзиклы, шоу?

— Я всю жизнь мечтал об этом. И когда заканчивал ГИТИС как режиссер, на госэкзамене И. Шаров меня спросил, что же я собираюсь делать дальше. И я ответил совершенно искренно о своем пристрастии. Ведь с детьми работать — одно удовольствие. Сколько веры, сколько желания овладеть тем материалом, который ты им даешь! Взрослые на такой порыв не способны. Велювозрастные ученики уже мнят себя звездами, и все твои советы им в одно ухо влетают, из другого — вылетают. У меня был опыт общения и со «взрослыми» артистами — ведь два года я руководил еврейским театром в Москве.

— Что, не получилось?

— Нет, тут другое. Я выехал в Америку по гостевой визе. Но потом узнал, что мой брат, оставшийся дома, неизлечимо болен. Я задержался в Америке, и вызвал его туда. Брату удалось продлить жизнь всего на год. Так случилось, что в течение 5 лет я пережил четыре смерти: еще и жены брата, матери, отца. Все они похоронены

ны в Харькове, куда я приезжаю поклониться и праху моей первой жены Иветты Черновой, совсем молодой ушедшей из жизни. Вот такая невеселая история...

— Вероятно, поэтому усталость и грусть у вас в глазах. Сказывается ли как-то ваша судьба на репертуаре, на песнях?

— Я заметил, что зрителям (а это в основном люди уже не молодые) нравятся мои старые песни. Возможно, и они грустят о прошедших годах, слушая «Почему ты мне не встретилась?». Но я напоминаю им и «Хромого короля», и «Трус не играет в хоккей», и «Хмуриться не надо, Лада». Да и сам стараюсь не хмуриться. Я не помню обид, хотя тогдашний председатель Комитета по радио и телевидению Лапин, поздравляя своих сотрудников с 1971 годом, сказал: обойдемся в новом году без Мулерманов и Мондрусов. Конечно, мне передали эти слова, и я спросил у Лапина по телефону, что бы это значило. Он вместо ответа стал выяснять источник информации и назвал меня провокатором. Я его — фашистом. Так и поговорили. Свое слово не выгласить меня в эфир он сдержал. Долгое время я был «немым».

— Что же все-таки не нравится в вас Лапину? Графа в паспорте?

— Не только. Ведь многие исполнители с этим «пороком» смирились и забыли о своей национальности — как и о многонациональности своей аудитории. А я искренне не мог понять, почему грузинские песни в концерте петь можно, а еврейские нельзя, шуточки про чукчу уместны, а про Рабиновича неприличны. Вот мне и «разъяснили», чтобы и другим было непонятно. Кстати, в результате государственного антисемитизма страдали и люди с безупречной анкетой. В.Н. Людвиковского, например, упрекали в том, что в его оркестре много еврейских музыкантов. Он не обратил на это внимания. Тогда быстро нашелся «компромат». Выйдя под хмельком из Дома композиторов, Людвиковский позволил себе непростительную вольность — помочиться за Центральным телегра-

фом. Милиция, «случайно» оказавшаяся рядом, тут же оформила протокол. Этого оказалось достаточно, чтобы снять Людвиковского с работы. По первому поводу музыкант грустно пошутил: сколько раз здесь писали Ильф и Петров — все сходило им с рук.

Я был «виноват» не больше Людвиковского и его музыкантов, но обиды на страну и советскую власть не держал. Хотя когда поступал в Харьковскую консерваторию, услышал в лицо от тогдашнего ректора Т. Веске, что им нужны национальные кадры. И лишь распоряжением министра культуры Украины Бабийчука был зачислен на учебу. Что подтвердило мою уверенность: если человек чего-то стоит, он своего добьется при любой «погоде».

— О том, что вы окончили консерваторию, знают, наверное, немногие...

— Учебу я заканчивал уже в Ленинграде. В то время военные кафедры в гуманитарных вузах отменили, и я попал в Ансамбль песни и пляски Киевского военного округа, где и проходил службу. До той поры видел себя оперным исполнителем и даже пел Фигаро в опере Моцарта. Но песня затянула. Так я оказался на эстраде. Кстати, быть эстрадными артистами нас никто не учил. Учила, пожалуй, сама эстрада, освященная именами Райкина, Утесова, Шульженко. Я выступал с этими великими артистами в одних концертах и горжусь этим. Но консервативность тогдашней музыкальной эстрады преодолеть было почти невозможно. Когда на I Всесоюзном конкурсе артистов эстрады в 1966 году я снял микрофон со стойки и прошелся вдоль рампы, это было воспринято как вызов. Премию, однако же, дали. Но опять же, учитывая «политический» расклад. Первую получили представители Белоруссии и Грузии В.

Вуячич и В. Мойсурадзе, второе и третье места достались нам с Кобзоном.

— Кстати, как вы теперь относитесь к этому «старожилу» советской эстрады?

— Когда-то мы были приятелями, потом жизнь нас развела в разные стороны. У каждого свои вкусы, интересы и возможности. Я бы на жизнь с охраной не согласился. Трудно смириться и с тем, что у него, одного из нынешних владельцев фонотеки «Мелодия», надо выкупать свои же записи...

— А к современной отечественной эстраде как относитесь? Что нравится?

— Если честно, почти ничего не нравится. Я ведь в Америке насмотрелся разных шоу-программ, так что могу сравнивать. Плохо у наших новоявленных артистов с профессиональной подготовкой, чаще всего нет ни вкуса, ни голося. Можно простить, если драматический актер выходит на эстраду без соответствующей подготовки. Когда-то Золотухин начал песни петь. Хоть и фальшивил, но так отчаянно выкладывался, что можно было заслушаться. Сейчас так же привораживает меня Маша Распутина. Есть в ней что-то от народной бесшабашности, удалости. Это подкупает. А среди настоящих профессионалов после Пугачевой и Леонтьева — провал. Конечно, талантливая молодежь отыщется, но для этого должна сойти пена. И потом, все поголовно усердно открывают рты под фонограмму. Это же стыд и позор.

— Но ведь одних старых песен и ностальгических настроений нашему зрителю мало. Можете ли вы предложить ей что-то новое?

— Надеюсь, да. Сейчас я сделал новую оригинальную программу. Называется она «Монолог сумасшедшего». Заканчиваю сценарий, подбор песен. Начинаю репетировать, тем более что недавно получил предложение от дирекции Театра эстрады и его художественного руководителя Б. Брунова выступить в Москве с творческим вечером. Вероятно, в этой связи будет какая-то работа и на телевидении.

Ну и, конечно, работа с детьми во Флориде. Впрочем, я очень серьезно отношусь и к предложению городских властей открыть музыкальный детский театр в Харькове. Вернуться домой в подобном качестве — моя давняя мечта. В Америке я только гость...

Вел беседу

Александр ЧЕПАЛОВ.

ХАРЬКОВ.

Фото автора.